
СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА ВЫПУСКА: О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ И ЯПОНИИ. Часть II *

Сравнительный анализ идентичностей России и Японии (1905–1917 гг.)

К. О. Саркисов

В рассматриваемый период такие элементы идентичности, как государство, общество, идеология и религия развивались в противоположном направлении. В случае России это был закат самодержавия и империи, в Японии – укрепление основ мэйдзийской государственности и государства в целом, со всеми вытекающими последствиями для японской идентичности.

Ключевые слова: структура идентичности, сравнительный анализ, националистическая и социалистическая идеология, анархизм, геополитика.

Идентичность, или цивилизационная модель страны, состоит из особенностей ее составных элементов, к которым можно отнести государство, общество, религию, идеологию и культуру. «Государство» – это системные признаки модели власти и господства элит. «Общество» – социальная структура, общественные институты, степень их зависимости от государства и влияния на него. «Религия» – наличие или отсутствие значительно преобладающей над другими конфессиями религии, религиозный фактор в государственном устройстве и господствующей политической системе. «Идеология» – господствующие мировоззрение и мироощущение, понимание своей роли и значения в мире, отношение к глобальным проблемам. «Культура» – политические, этические и эстетические ценности, нормы и практика, превалирующие в обществе.

Очевидно, что все перечисленные элементы тесно связаны и оказывают друг на друга влияние. Причем их воздействие происходит по более или менее универсальным для человеческих обществ законам, но есть специфика, которая определяет национальные особенности. Эта специфика формируется под влиянием разных факторов, но в основном самых общих – времени и пространства. Временной фактор определяет разницу в уровне цивилизационного развития, а пространственный – географические и климатические особенности, в частности, островное или континентальное расположение страны, ее размеры, наличие или отсутствие в ее составе других народов (идентичностей). Сравнительный анализ затрагивает оба параметра, выявляя схожесть или существенные отличия.

После русско-японской войны развитие государства в двух странах шло диаметрально противоположным курсом. В Японии оно укрепило

* Часть I см.: Япония 2015. Ежегодник. – М., 205.

свои позиции. На фоне успехов в войне возросло влияние военных и политиков, с ними связанных. В институте *гэнро*, отсутствующем в конституции, но без согласия которого (редкие исключения все же бывали) ни одно из стратегически важных решений правительства не могло получить одобрения (печати) императора, после убийства Ито в Харбине в октябре 1909 г. (и до этого, но особенно после), преобладали те, кто представлял интересы военных и имел на них огромное влияние – Ояма, Ямагата и Кацура (с 1912 г.). К тому же неудача японских дипломатов в Портсмуте, не добившихся выплаты контрибуции, породила стереотип представления о силе военных и слабости политиков.

В печати блистали имена Того, Ноги, Ояма, братьев Акияма, а Кокура, бывший и будущий министр иностранных дел, которого на вокзале в Симбаси собирались торжественно встречать высшие сановники страны, включая Ито Хиробуми, высоко оценившего труд японского представителя на переговорах в Портсмуте, вынужден был тайком возвращаться в Токио, чтобы не попасть под гнев разъяренной толпы. Это возмущение вылилось на демонстрации в парке Хибия 5 сентября 1905 г. «Участники состоявшегося сегодня митинга протестовали против условий мирного договора, напали на редакцию правительственного органа “Кокумин” и произвели буйство в других местах. Несколько человек ранено, несколько убито», сообщала российская пресса о событиях в Токио¹.

В Японии рост протестных движений (стачки и забастовки), возникновение социалистических и рабочих партий и организаций привели к усилению государственных инструментов их сдерживания и подавления. К тому же и в период войны мобилизация всех сил и ресурсов сопровождалась еще большей централизацией управления страной, усилением функций полицейских и надзорных органов.

В России инструменты подавления общественных движений также были приведены в действие, но они, как правило, приносили обратный эффект. Протестные движения уходили в подполье и в конечном счете привели к революционной ситуации и длительному противостоянию властей и общества. В Японии протесты не имели столь глубоких политических и социальных корней, и потому подавлялись без серьезных последствий.

Революционная ситуация в России оказывала влияние на настроения в японском обществе, кого-то стимулируя, но в основном пугая. Японская печать подробно освещала все политические и культурные события в соседней стране. Достаточно полно описывались революционные события 1905–1907 гг. Их волны докатывались до Дальнего Востока, и японцы, путешествовавшие по Сибирской железной дороге свидетельствовали о составах с арестантами. Среди них большое число

¹ Русское слово. 07.09(25.08).1905.

политических заключенных, которым не хватало арестантской одежды, солдат и офицеров конвоировали в их же военной форме. Доходили слухи о восстаниях во Владивостоке, третье из которых произошло в октябре 1907 года².

Русско-японская война потребовала от обеих стран глубокого переосмотра прошлого и обе страны оказались перед лицом серьезных системных испытаний. В России поражение в войне неизбежно воспринималось как поражение самой системы – самодержавия. Под давлением общественности и ряда политиков в окружении царя 6 августа, когда еще велись переговоры о мире в Портсмуте, был издан царский декрет об учреждении Государственной думы. Последовавший в октябре (17) 1905 г. Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка определял, что без одобрения российским парламентом в силу не мог вступить ни один закон. Но за царем сохранялось право вето и роспуска думы, которым он впоследствии пользовался не раз. В этот момент основы российской государственности приблизились к конституции Мэйдзи. Созванная 27 апреля 1906 г. Государственная дума первого созыва была первым опытом ограниченной демократии.

Как сложится судьба первого российского парламента – это вопрос, важный не только для самой России, писала «Асахи» в редакционной статье, но и для всего мира, и, само собой, для Японии³.

Но этот момент длился недолго. Позднее, комментируя роспуск Думы, «Асахи» называла это «откровенным насилием со стороны властей»⁴. Реальная власть парламента в Японии не была столь сильной, и, тем не менее, она давала основания критиковать царизм за откат в либеральных реформах.

Что же касается подавления социалистического и рабочего движения, движения за эмансипацию женщин, всеобщего избирательного права и других демократических прав было много общего. Принятый в Японии еще в 1900 г. Закон полицейского надзора за порядком вводил ограничения на свободу слова, собраний, организаций. Он запрещал проведение стачек и забастовок, участие женщин в формировании политических партий. Попытки улучшить ситуацию с демократическими свободами были безуспешными. В 1908 г. принятые нижней палатой японского парламента поправки к закону были отвергнуты верхней палатой. В июле газеты сообщали о заключении в тюрьму социалистов. Дальнейший ход событий привел к некоторой стабилизации режимов в обеих странах. Экономическое положение в России улучшилось, а революционная волна стала спадать. В Японии же после аннексии Кореи в 1910 г. империалистический характер политической системы резко

² Асахи симбун. 08.11.1907.

³ Там же. 11.06.1906.

⁴ Там же. 20.06.1907.

усилился. Поглощение Кореи стало большим испытанием для японской идентичности, которая, навязывая себя другому народу, теряла собственные черты органичности, размывая их и придавая не свойственный им характер агрессивности.

Если аннексию Окинавы в 1879 г. можно было объяснить 400-летним фактическим управлением этим средневековым королевством и общими культурными и языковыми корнями, аннексию Тайваня в 1895 г. – тем, что сам остров был китайской колонией и стал поэтому законной данью за победу в войне, то Корея никак не могла быть оправдана какими-то разумными доводами, кроме чисто геополитических.

Первая мировая война существенно усилила позиции государства и роль военных в нем. Япония добилась быстрой и убедительной победы над Германией в ее китайской колонии Циньдао при чисто символическом участии Англии, а также впечатляющих успехов на морском театре военных действий, в результате которых Японии достались все германские островные территории в Тихом океане.

Разница в геополитике двух стран того периода в том, что в России это конец империи, а в Японии – только начало. Для России вместе с революцией усиливаются освободительные движения в Польше и Финляндии, а на Дальнем Востоке Китай все настойчивее добивается больших для себя прав в Маньчжурии и Илийском крае. Все это было фоном и стимулом российско-японских соглашений с секретными статьями 1907, 1910, 1912 г. относительно раздела сфер влияния в Маньчжурии и Монголии и препятствованию усилению здесь позиций других стран, прежде всего США и Германии.

Многое поменялось после Февральской и, тем более, Октябрьской революций. Перемены в российской государственности были настолько фундаментальными, что это производило сильное впечатление на японцев, не привыкших к таким резким перепадам в своей истории, в которой сохранялась преемственность даже во времена серьезных потрясений – революции Мэйдзи и реформ оккупационного периода 1945–1952 гг.

Первые реформы после Февральской революции в России ликвидировали прежде всего самодержавие, однако введение нового республиканского строя задерживалось. Ощущалось, и так это воспринималось в Японии, что новая власть сама раздираема противоречиями. Помимо прочего, как всегда после победившей революции, сразу же возникает пропасть между ее идеалами и суровой действительностью: экономический хаос, национальные движения на окраинах и в центре империи (Казань).

Изменения в российской государственности воспринимались в Японии со смешанным чувством. Была значительная разница между этим восприятием в верхах и в обществе в целом. Для верхов это было тоже сильным потрясением, так как могло привести к серьезным гео-

политическим сдвигам в условиях, когда отношения с Китаем так и не были улажены до конца, а Россия в японской стратегии в отношении самого важного для себя соседа была основным партнером. Отношения с США становились все более враждебными, появились трещины в союзе с Англией. Газеты, широко освещавшие события в России, видели главную причину политических потрясений и смену режимов нежелании правительств России учитывать настроения в своем обществе и упорно игнорировавших требования в Государственной думе⁵.

Революция в октябре 1917 г. в Японии воспринималась не как переворот, как его склонны трактовать теперь в России, а как приход к власти правительства «радикальной группы», взявшей власть в условиях двоевластия, полного идейно-политического разброда в рядах оппозиции⁶.

Дальнейших ход событий в России и начало Гражданской войны стало испытанием не только для новой российской государственности. Япония была поставлена перед выбором, когда возник соблазн вмешаться. Уже в феврале 1918 г. активно обсуждается вопрос о возможности посылки войск на российский Дальний Восток. В стране не было никакого энтузиазма в этом отношении. Газеты открыто писали о рискованности подобного шага. Было несколько серьезных мотивов против. Посылать японских солдат так далеко воевать непонятно, за что, не только опасно, но и преступно. В отличие от Китая, где были явные геополитические преимущества и прямые экономические выгоды, интервенция в Сибири была слишком затратным и малоприбыльным мероприятием. Она могла отвлечь от усилий в Китае, вызвать антипатии в отношениях россиян к Японии, которые только что после русско-японской войны стали дружественными, могла спровоцировать резкое усиление противоречий с США, которые и без того находились на грани прямого столкновения.

Февральская революция была крахом монархизма в России. Здесь наряду с усилением косвенной, а порой и прямой критики царя, его слабостей, растленного «окружения» наблюдался заметный упадок авторитета монархии.

В Японии идеология абсолютизма сохраняла свои позиции. Но смерть императора Мэйдзи, харизматической личности, и вошество на престол его сына поколебала этот авторитет. Вместе с тем, напротив, авторитет *гэнро*, занимавших место у трона, возрос, но элементы «демократии Тайсё» давали о себе знать.

Система «просвещенной монархии» получила некоторое развитие при императоре Тайсё за счет реализации демократических элементов в конституции Мэйдзи. Само поведение Ёсихито было более «демократичным». Уже в качестве императора в сентябре 1912 г. он лично два дня подряд, 10-го и 11-го, на вокзале Симбаси встречал трех принцев,

⁵ Асахи симбун. 17.03.1917.

⁶ Там же. 12.04.1918.

представлявших монархов Германии, Испании и Великобритании на похоронах его отца, что можно было объяснить благодарностью за уважение памяти умершего монарха. Но встреча 12 января 1916 г. посланника Николая II великого князя Георгия Михайловича и обмен с ним крепким рукопожатием на перроне только отстроенного Токийского вокзала были беспрецедентными.

В Японии рассматриваемый период – это время острой, но во многом внешне пристойной борьбы политических сил вокруг идей конституционной монархии. Заложены эти идеи были еще отцами-основателями Японии, сформировавшими внеконституционную группу *гэнро*. Среди них в первую очередь выделялась фигура Ито Хиробуми, возглавившего первую политическую партию Риккэн сэйюкай (чаще просто Сэйюкай). Но среди отцов-основателей были и те, кто вообще сомневался в полезности парламента, к коим относился следующий по влиянию, после Ито, *гэнро* – Ямагата Аритомо. В исследуемый период всеобщие выборы в японский парламент оказывали существенное влияние на состав кабинета министров, а ставший председателем Сэйюкай после Ито Сайондзи в течение двух лет (1906–1908) возглавлял японское правительство.

Но сравнение политического состава партий японского парламента и Государственной думы России с первого до последнего созыва позволяет сделать вывод о том, что в России диапазон политического спектра слева – направо был существенно шире. Японии до 1930-х годов удавалось блокировать крайне левые и правые фланги этого спектра и тем самым до определенного периода сохранить стабильность и не допустить революционных потрясений

Источником идей и энтузиазма социалистического и рабочего движения для Японии была не Россия, а Европа, так же, как для самой России. Зародившиеся в 50-е годы XIX в. под влиянием политического движения за гражданские права и свободы, ставшими лозунгами французской революции 1848 г., эти идеи получили развитие в Германии и Франция, а под влиянием репрессий эмигрировали в Англию и здесь получили пристанище на долгие годы. Первые российские социалисты, чьи труды стали частью общего «банка» социалистических идей, проделали тот же путь. Их книгами зачитывались и первые японские социалисты самых разных направлений. Кроме того, в трудах русских теоретиков японские социалисты пытались найти ответы на вопросы для себя, исходя из того, что ситуации в двух странах были схожими.

19 мая 1901 г. заявление о создании социал-демократической партии было отвергнуто на следующий же день Министерством внутренних дел. Спустя пять лет, 1 июля 1906 г. на поданное Катаяма и Киносита в полицейское управление района Канда заявление об образовании Социалистической партии был получен положительный ответ. На фоне событий в России более либеральное, чем предыдущее (Кацура),

правительство Сайондзи Киммоти стремилось избежать социальных потрясений. В каком-то смысле Сайондзи руководили те же мотивы, что и Витте. Общим является и то, что оба в своем стремлении «смягчить» режим потерпели неудачу, один очень быстро, другой позднее.

Влияние первой русской революции было ограниченным, однако сама революция и события в России сильно воздействовали на умонастроения определенной части писательской и журналистской молодежи, что выразилось в форме отдельных демонстраций, сопровождавшихся столкновениями с полицией и арестами. Об одном из таких случаев (инцидент с красным флагом 錦旗館赤旗事件) печать писала как о «русификации Японии» (日本の露西亜化). 22 июня 1908 г. в районе Канда в здании «Кинкакан», первого в Токио кинотеатра, на собрании по поводу выхода из тюрьмы молодого журналиста из «Хэймин симбун» Ямагути Кокэн группа социалистов и анархистов после завершения церемонии стали размахивать красными флагами, петь революционные песни и кричать «Да здравствует анархизм!»⁷.

Идеологические учения революционного характера о том, каким должно быть идеальное государственное устройство, получившие распространение в Европе, России и США с конца XIX в., в Японии, едва зародившись, оказались под жестким контролем и репрессий, как и в России. Однако, если в России они определили ее судьбу на многие десятилетия в форме власти большевиков, то в Японии они не получили большого развития и не имели сколько-нибудь серьезного или решающего влияния. С чем это было связано – вопрос, на который пока нет четкого ответа. Очевидно, что это нельзя объяснить одними репрессиями. Идеология монархии в Японии была молодой, по сравнению с российской, насчитывавшей к этому времени уже два с половиной столетия. Возникнув после революции Мэйдзи, она была положена в основу идеологии модернизации и европеизации, успехи которых в государственном строительстве, прежде всего, в экономике, говорили сами за себя. Победы в японо-китайской войне 1894–1895 гг., в русско-японской войне доказывали это. К тому же мифология «божественного» происхождения этой власти любые попытки подвергнуть сомнению эту власть выставляла как «святотатство».

В России идеология монархизма, напротив, по тем же причинам подверглась атакам. Все неудачи в войне и экономическом развитии, моральном загнивании власти, объяснялись неспособностью монархизма обеспечить динамичное развитие страны. Зародившиеся в Европе, но получившие свое развитие в трудах таких признанных русских авторитетов, как Михаил Бакунин и Петр Кропоткин, идеологии нигилизма и анархизма, переплелись с идеологией социализма. Как реакция на это резко усилились движения в защиту монархии, оформившись в

⁷ Асахи симбун. 23.06.1908.

идейно-политические группы и партии, как правило, радикального и даже крайне реакционного характера. Идеологический спектр от левого до правого фланга строился по принципу отношения к самодержавию. С левого края социал-революционеры (эсеры), социал-демократы, из среды которых вышел радикальный большевистский сектор, впоследствии пришедший к власти под флагом диктатуры пролетариата. В центре спектра – кадеты, справа – многочисленные партии монархического толка.

В Японии упоминание об анархистах можно найти в газетах, освещавших убийство Александра II в августе 1881 г. Их тогда называли «нигилистами» и отрицательная коннотация названия этого движения ощущалась в буквальном переводе этого слова – *кёмудо*. Позднее появляются имена Степняка-Кравчинского, знаменитого народовольца и террориста вместе с другими обосновавшегося с 1894 г. в Лондоне. В январе 1896 г. «Асахи» в заметке, посвященной памяти Степняка-Кравчинского, скончавшегося накануне в Лондоне, отмечала бурную революционно-пропагандистскую деятельность русских анархистов в Европе и США, выражая искренне сожаление, что эти одаренные люди уходят из жизни один за другим⁸.

Публикации трудов анархистов на японском стали возможны в 20-е годы XX в. в эпоху «демократии Тайсё». В течение нескольких номеров публиковались эссе японского переводчика об одном из самых ярких произведений Бакунина «Бог и государство»⁹. Полная глубоких рассуждений о Боге и человеке, эта книга была яркой критикой не только религиозности, но и самой идеи Бога, превращающего человека в раба. Трудно себе представить какое впечатление в монархической Японии производили слова Бакунина о грубом деспотизме и подлой, несправедливой эксплуатации людей Церковью и Государством, об авторитете власти как порождении животного инстинкта угнетения человека, о торжестве человечности – главной цели и смысла истории¹⁰.

На крутых изломах истории религиозный фактор становится в центре идеологической борьбы. В силу особенностей влияния религиозного фактора в идентичностях двух стран его параметры в рассматриваемый период разные. В России в борьбе за сохранение монархии религия занимает центральное место. «За Веру, Царя и Отечество» – лозунг, который объединял все консервативные силы. Религиозность царской семьи, участие в бесконечных молебнах и церковных праздниках, апелляция ко всем святым – хранителям России, все, что в годы русско-японской войны стало привычным, теперь получило особое развитие. В значительной степени именно поэтому, а не в силу собственных

⁸ Асахи симбун. 19.08.1881.

⁹ Асахи симбун. 28, 29, 30.06. 1881.

¹⁰ Бакунин М. А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 494–521.

убеждений, левые и анархисты в России выступали с антирелигиозными лозунгами.

Лидеры первой социал-демократической партии Японии, за исключением Котоку Сюсуй, были христианами: Абэ Исао, Катаяма Сэн, Каваками Сёко, Киносита Сёэ и Нисикава Сёдзиро¹¹. В христианстве они черпали идеи гуманизма и социального равенства. До его отрицания через понимание общественных отношений как классовых, антагонистических, было еще далеко.

Левый фланг в России был идеологически пестрым и противоречия в нем были более серьезными, чем на правом фланге. Но над левыми партиями, где доминировали такие иностранные идеологи и теоретики как Карл Маркс, возвышалась одна мощная русская фигура, почитаемая одинаково всеми революционными силами и идеологами, включая большевиков и эсеров. Это был теоретик русского анархизма Петр Кропоткин. В упомянутой статье о Степняке-Кравчинском говорится и о трудах Петра Кропоткина по анархизму. Они сыграли решающую роль в формировании убеждений японского социалиста и анархиста Котоку Сюсуй. В обвинительном заключении суда над Котоку и его соратниками, приговоренными к смертной казни за организацию покушения на жизнь императора Мэйдзи, приводится имя анархиста-коммуниста (無政府共產主義者) Петра Кропоткина, со связкой переводов которого Котоку посещал в Токио своих единомышленников¹².

Помещая сообщения из Парижа о вынесении в Японии смертного приговора группе японских социалистов, русские газеты выделяли имя Котоку как ученого и литератора, познакомившего японского читателя с «Толстым, Марксом и Кропоткиным»¹³.

В годы первой русской революции и позже, в период Первой мировой войны, меняется общественное сознание. С окончанием войны с Россией в Японии меняется восприятие внешней угрозы. Сближение со своим прежним врагом становится национальной идеей, или государственным проектом (*кокусакү*).

После войны эти настроения стали особенно заметными. В упоминавшейся первой встрече с японским посланником Мотоно 10 марта 1906 г. российский министр иностранных дел Владимир Ламсдорф говорил, что, к несчастью, между двумя странами произошла война, хотя он лично очень хотел ее избежать. Но думать нужно не о прошлом, а о будущем. У двух великих держав на Дальнем Востоке много совпадающих интересов. Разве их защита не является миссией наших двух стран? Япония продемонстрировала свою силу и энергию, и в России с

¹¹ Асахи симбун. 30.04.1901.

¹² Там же. 22.01.1911.

¹³ Русское слово. 25 (12).01.1911.

уважением относятся к этим качествам Японии. Именно поэтому нужно сдать старое в архив, забыть о прошлых делах и готовить будущее¹⁴.

В том же духе говорил с Мотоно и Витте, в ту пору еще председатель Совета министров: «В России в отношении Японии не испытывают ни малейшей неприязни. Более того, эту страну стали уважать за твердость и последовательность, за сильное чувство собственного достоинства и честность. Русскому человеку очень по душе эти качества. Теперь же нужно думать о будущем и готовиться к нему. Есть те, кто хотел бы нас посорить, но именно поэтому нам нужно сплотиться и действовать вместе. Россия стоит перед самыми тяжелыми испытаниями в своей истории, но она преодолет трудности. Порядок будет восстановлен. Мы должны сделать все, чтобы отношения между Россией и Японией стали более близкими и прочными¹⁵».

Оценки прошедшей войны и надежда на дружбу в будущем прозвучали и из уст царя. На аудиенции японского посланника в Царском Селе 22 марта 1906 г. Николай говорил: «Я узнал из доклада Нелидова (заместитель министра иностранных дел), что Ваше превосходительство глубоко симпатизирует нашей стране, и весьма рад тому, что Вы назначены к нам. Во время войны мы воевали друг с другом как честные и благородные противники (*комэй сэйдai*), и я хотел бы, чтобы и теперь мы стали друг для друга честными и истинными товарищами. Это было бы большим счастьем и для Японии, и для России»¹⁶.

Даже потери в войне (концессии в Маньчжурии и Южный Сахалин) в России перестали какое-то время рассматривать как национальное унижение. В поздравительной телеграмме Витте по поводу заключения мирного договора с Японией Николай подчеркивал: «...*Признав в должной мере последствия успехов, достигнутых противником, вы отклонили, однако, следуя моим указаниям, уплату в какой бы то ни было форме расходов на ведение войны, не Россией начатой, и согласились лишь на возвращение Японии принадлежавшей ей до 1875 года южной части Сахалина...*»¹⁷.

С началом Первой мировой войны, особенно по мере того, как России пришлось сосредоточить свои силы и ресурсы для войны в Европе, союз с Японией на Дальнем Востоке становится насущной задачей и в корне меняет отношение друг к другу в общественном сознании.

«Недавние подозрительность, осторожность, недоверчивость и известная сдержанность заменились явным доброжелательством, симпатиями и

¹⁴ Документы внешней политики Японии, 1906 (том 39). Раздел 2. Дело 40. Внутреннее положение в России. Отдельные документы. МИД Японии. Токио, 1959. С. 651, 652.

¹⁵ Там же. С. 652, 653.

¹⁶ Документы внешней политики Японии, 1906 (том 39). Раздел 2. Дело 40. Внутреннее положение... С. 653, 654.

¹⁷ Российский Государственный Исторический Архив. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 235. Л. 1, 1 об.

искренностью... Сейчас настал момент естественного сближения нашей родины с Японией, открыто проявившей нам свои симпатии»¹⁸.

Победа Японии в Циндао вызвала в России чувство отмщенной обиды за германскую провокацию прошлых лет. Германия получила по заслугам. Своим захватом под «ничтожным предлогом» Циндао и Шаньдунского полуострова в 1897 г. она спровоцировала Россию на захват Порт-Артура и Ляодунского полуострова, чтобы отвлечь ее внимание и ресурсы от Балкан и Ближнего Востока. Ввергнув в авантюру на Дальнем Востоке, она поссорила Россию с Японией и Китаем, натравила на нее Англию и США, писало «Новое Время» и заключало: *«Все это теперь вспоминается как кошмар, от которого мы, наконец, пришли в себя. И вот... приходит известие о падении Циндао. Волшебный круг, в который мы были вовлечены ловкой игрой германской дипломатии (нельзя не отдать ей справедливости в этом отношении!) и в котором мы путались так долго и так печально, окончательно распался. И невольно просится мысль, что это начало конца Германии. Судьба неумолима, но она справедлива и воздает "каждому по делам его"»*¹⁹.

В ходе Первой мировой войны отношения двух стран стали особенно близкими благодаря сотрудничеству в конкретных делах. Япония оказала значительную помощь в поставке русской армии оружия, главным образом винтовок, которых катастрофически не хватало на первых этапах и до конца 1915 г. Начальник Генштаба российской армии при военном министре Шуваеве и последний военный министр царской России Беляев свидетельствовал: «Японские ружья были единственные ружья, которые нам удалось передать действующей армии в первую половину 1915 г.»²⁰.

Министр иностранных дел Сазонов телеграфировал русскому послу в Токио Малевскому: «Вообще вам следует не упускать случая выражать японскому правительству, насколько мы ценим оказываемое им снаряжению нашей армии содействие, ибо японцы были до сих пор наиболее надежными и точными исполнителями наших заказов»²¹.

Высокий уровень двусторонних отношений позволил одной из наиболее влиятельных российских газет в новогоднем обзоре политических событий за минувший 1914 г. написать, что военно-политический союз между двумя странами фактически уже действует: *«Россия, благодаря прочности своих отношений с Японией, получила возможность перевести свои дальневосточные силы в Европу, не опасаясь за свои*

¹⁸ Новое Время. 02.03(17.02).1915.

¹⁹ Там же. 08.11(26.10).1914.

²⁰ Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 480. С. 281–282.

²¹ Международные отношения в эпоху империализма (МОЭИ) : Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия 3. 1914–1917. Т. 8–2. С. 310.

азиатские границы. Практически, наши отношения с Японией равносильны формальному оборонительному союзу»²².

Об изменениях в общественном сознании двух стран свидетельствуют документы об участии японских добровольцев в сражениях русской армии на фронтах Первой мировой войны.

В Амурской и Приамурской областях, в северной Маньчжурии число японцев, подавших заявления на прием в русскую армию, достигло 459, сообщала «Асахи»²³. Корреспондент «Асахи» из Петербурга сообщал о награждении Георгиевским крестом за героизм, проявленный в боях в Восточной Пруссии, студента Токийского императорского университета по фамилии Хаяси²⁴. О нем же упоминала российская провинциальная газета из Вильно²⁵.

2 августа появилось сообщение, правда, не подтвержденное, о гибели одного из тех трех японцев из Владивостока, которые были зачислены в 15-й стрелковый полк. В январе 1916 г. – новое сообщение о гибели двух японцев в боях на Кавказском фронте. Здесь в рядах русской армии сражались оставшиеся в живых двое из Владивостока и еще семь других японцев²⁶.

К японским добровольцам, попадавшим в плен к немцам, отношение было особенно жестоким. В японской прессе сообщалось об одном, которому в плену, в отместку, отрезали кончики ушей и отправили назад в Россию²⁷.

²² Новое Время. 14.01(01.01).1915.

²³ Асахи симбун. 18.02.1915.

²⁴ Там же. 29.05.1915.

²⁵ Новое Время. 28.05(15.05). 1915.

²⁶ Асахи симбун. 26.01.1916.

²⁷ Там же. 09.08.1915.